

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 792 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА И ЖАНРА В ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ

Труды по романо-германской филологии

Литературоведение

ТАРТУ 1988

ИСТОРИЗМ "ИСТИННОГО РОМАНТИЗМА"
РАННЕЙ ПРОЗЫ СТЕНДАЛЯ И ПУШКИНА
("АРМАНС" И "РОМАН В ПИСЬМАХ")

Л. В о л ь п е р т

Тартуский государственный университет

Историзм Стендаля и Пушкина изучен основательно¹. Однако сопоставительный анализ исторического метода основателей русского и французского реализма не привлекал внимания исследователей. А между тем он немаловажен для изучения типологической общности обоих писателей и выяснения сходства развития двух национальных литератур².

Диалектический процесс одновременного усвоения и оттачивания, определяющий динамику отношения Стендаля и Пушкина к романтизму³, находит отражение и в развитии их историзма. Романтикам принадлежала новая интерпретация категорий "народного", "национального", фольклора, иронии, авторского "я" и, что для нас особенно важно, новая концепция "исторического". Споря со схематизмом классицистов, отвергая антиисторизм просветителей, романтики вырабатывают новую трактовку исторического процесса, как вечного движения и обновления, вводят понятия неповторимости эпохи, местного колорита, психологии нравов. Однако их "открытия" — лишь начальный этап овладения литературой художественным историзмом. Для Стендаля и Пушкина неприемлем прежде всего субъективистский монизм романтиков, поверхностная трактовка социальных конфликтов, недостаточно разработанный психологизм.

Образцом объективного исследования прошедших эпох, умения раскрыть главные столкновения времени, слить частные судьбы с историческими становится для Стендаля и Пушкина творчество Вальтера Скотта, которому оба писателя отдадут дань восхищения⁴. Историзм ранней прозы обоих писателей во многом определен их стремлением перенести достижения "шотландского волшебника" на художественное исследование современности. Цель настоящей статьи — проследить становление художественного историзма Стендаля и Пушкина на

материале сопоставительного анализа романа Стендаля "Арманс, или сцены из жизни парижского салона 1827 года" ("Armanse ou quelques scenes de la vie du salon en 1827") и "Романа в письмах" (1829) Дюшкена.

Сравнение ранней прозы Стендаля и Дюшкена оказалось весьма плодотворным для прояснения типологической общности творчества обоих писателей, их новаторства в освещении любимых тем романтиков (любовь, природа, война), "шекспиризма", психологизма, теории языка и стиля⁵. Как нам представляется, сопоставительный анализ конструктивен и для изучения их историзма.

При всем различии "Арманс" и "Романа в письмах" (тип романа, тема, образ главного героя) в них много и общего. Оба произведения написаны с передовых позиций эпохи, посвящены животрепещущей современности, ставят задачу объективного исследования действительности. Сходство романов — в некоторых аспектах проблематики, в структуре образов главных героинь, в новом типе историзма.

Обдумывая в 1826 г. замысел "Арманс", Стендаль отчетливо осознавал преемственную связь с Вальтером Скоттом, в творчестве которого он особенно ценил интерес к философии истории, к нравственной проблематике, умение показать противоречивость единства человека и общества, зависимость национального характера и нравов страны от политической истории. "Никто еще не изобразил сколько-нибудь подробно нравы французов, созданные различными правительствами, тяготевшими над ними в течение первой трети XIX века. Когда-нибудь в романе сохранится картина этих древних нравов, как в романах Вальтера Скотта"⁶. По его убеждению, в современном романе писатель должен дать верную картину нравов с детализацией и тонкой инвентаризацией чувств, на фоне злободневных социальных конфликтов и политических страстей. Не случайно, критикуя новеллу Мериме "Венера Ильская", Стендаль отмечает, что "автору не хватает моральной и политической точки зрения (курсив Стендаля — Л.В.)"⁷. Историзм Стендаля складывается как сложное пересечение категорий философских, социальных и психологических с упором на необходимость постижения художником тайников души современного человека. По его мнению, Вальтер Скотт умел отгадывать душу целых народов, но не умел разгадать сердце отдельного человека: "Я ... считал его слабым в изображении страстей, в знании человеческого сердца"⁸.

Историзм Пушкина складывается в русле тех же требований к роману. В "Арапе Петра Великого" картина переломной эпохи отражает главные социальные конфликты петровской России, точно схваченные нравы времени. Эпистолярный роман, излюбленный жанр сентименталистов, казалось бы наименее приспособлен для задач такого рода, и все же Пушкин в своем первом произведении, обращенном к современности, нарушая привычные каноны жанра, включает социальную проблематику, затрагивающую самые злободневные вопросы.

Социальная критика в "Арманс" и в "Романе в письмах" определена позицией авторов, которая в частных вопросах вовсе не всегда совпадает. У обоих писателей различное отношение к дворянству. У Стендаля - в целом критическое, диктуемое решительным неприятием, у Пушкина - сложное и неоднозначное, в большой степени сочувственное, особенно там, где речь идет о древних обедневших родах. Разница в отношении объясняется многими факторами, в том числе биографическими, но основная причина - разная историческая роль, которую играло дворянство во Франции и в России первых десятилетий XIX в. В одном случае - французское дворянство, утратившее остатки своей былой исторической прогрессивности, в другом - русское дворянство эпохи отечественной войны и созревающей дворянской революционности. В то же время и Стендаль, и Пушкин крайне отрицательно относятся не только к буржуазным, но и к дворянским нуворитам, к светской "черни", к салонному пустословию и праздномыслию.

Однако при всей критичности их подхода оба писателя больше всего опасаются нарисовать необъективную, пристрастную картину. Стремление к объективности становится одним из основополагающих принципов их историзма. В предисловии к "Арманс", критикуя пристрастный подход современного английского романа, изображающего высший свет в духе пасквиля, "забавные карикатуры на людей, по прихоти случая или рождения занимающих место, которое вызывает всеобщую зависть"⁹, Стендаль решительно заявляет: "Таких "литературных" достоинств нам не нужно"¹⁰. По его мнению, у писателя должен быть широкий взгляд, лишенный узкогруппового подхода, он должен уметь заметить правоту каждой из сторон. Часто бывает так, что люди, "равно заслуживающие уважения (разрядка Стендаля - Л.В.)"¹¹, высказывают "противоречивые точки зрения о состоянии общества" и путях, "ведущих нас к счастью"¹².

Этот принцип - основополагающий и для Пушкина. Общез-

вестна его способность к "универсальным сочувствиям" (термин Стендаля применительно к Шекспиру), его умение понять правоту каждой из сторон¹³. Эта черта характерна и для первого романа Пушкина о современности. Хотя в жанре эпистолярного романа, лишенного авторского комментария, диалогического по структуре, труднее осуществляется функция объективизации, Пушкин свой принцип реализует и здесь.

Оба писателя своего главного героя выбирают из среды, к которой относятся весьма критически, что не мешает им избирать протагониста с сочувствием, даря ему свои самые сокровенные мысли. Стендаль выбирает героя из семьи дворян-эмигрантов, Пушкин — из семьи столь им презираемых дворян-натуршей.

Следуя за Вальтером Скоттом, первым писателем в европейской литературе, сумевшим слить частные судьбы с историческими, Стендаль ищет в общественной жизни Франции второй половины двадцатых годов эпохальное событие, которое могло бы приобрести характерологическую функцию в обрисовке героев. Таким событием становится для него вызвавшее бурю негодования принятие парламентом закона о компенсации миллиарда франков эмигрантам за национализированные земли. Многие герои "Арманс" как бы "высвечены" этим актом парламента, отношение к нему становится в романе своеобразной "лакмусовой бумажкой" для проверки человеческой сущности.

Главный герой романа Стендаля, один из первых "капшихся дворян" в европейской литературе, своеобразный Гамлет нового времени, виконт Октав де Маливер, считает закон о компенсации несправедливым и испытывает стыд за лживую родню. Открытие, что его молоденькая кузина Арманс в отличие от всего его окружения, выказывающего завистливую почтительность, преисполнилась к нему из-за этих денег презрения, делает Октава счастливым: "Октав еще не размышлял над тем, каким образом ему удастся вернуть себе утраченное уважение кузины; пока что он блаженно наслаждался тем, что его потерял"¹⁴. Отношение к закону о компенсации приобретает характерологическую функцию при обрисовке матери Октава, его отца и дяди. Госпожа де Маливер забывает о двух миллионах компенсации при первом известии о болезни сына и с радостью пожертвовала бы ими лишь бы он излечился от меланхолии. Маркиз де Маливер страстно мечтает об этих деньгах, которые, как он полагает, обеспечили бы счастье сына. Дядя Октава, командор де Субиран, рассчитывает завладеть этими деньгами любыми средства-

ми. Судьбы героев оказываются фатально связанными с законом о компенсации: из-за подложного письма де Субирана кончает жизнь самоубийством Октав, уходят в монастырь потрясенные его смертью Арманс и госпожа де Маливер.

Историзм "Арманс" не только в умении Стендаля связать частные судьбы с общественными событиями, но и в постоянном ощущении ритма времени, изменчивости всех форм жизни. В двадцатые годы многие молодые люди из аристократических семей хотели бы, подобно Октаву, заняться полезной практической деятельностью, но в этом десятилетии профессии врача, юриста, естествоиспытателя были еще закрыты для отпрысков аристократических семей. Стендаль показывает, как стремительно меняется отношение к "буржуазным" профессиям, военной службе, духовной карьере. "Мы больше не желаем, чтобы вы, как в прежние времена, становились полковниками в двадцать три года, а мы - капитанами в сорок"¹⁵, - говорит провинциальный буржуа, депутат парламента.

В пушкинском романе также передан пульс времени, подвижность и быстрота перемен в общественных нравах. Владимир иронически разъясняет в письме другу: "Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг, нам было неприлично танцевать и некогда заниматься делами. Честь имел донести тебе, теперь это все переменялось"¹⁶. Лиза в письмах к Саше как примету времени рассматривает изменение читательских вкусов.

Ощущение быстрых перемен определяет потребность обоих писателей в точном установлении дат. Стендаль ставит дату в подзаголовке "Арманс", в дальнейшем он неоднократно будет прибегать к этому приему (подзаголовки "Ванина Ванини", "Красного и черного"). Пушкин заставляет Владимира уточнить дату вплоть до года: "Не я, но ты отстал от своего века - и целым десятилетием"¹⁷.

Многие важные исторические события в жизни Европы и России приобретают в "Арманс" знаковый характер: война 1812 г., освободительная борьба греков против турок, восстание декабристов. Судьба Арманс оказывается связанной с этими событиями. Ее отец, русский генерал, погиб в Отечественной войне 1812 г., наследство ей достается от братьев отца, декабристов: "Во время политических беспорядков в России покончили с собой ее трое дядюшек, совсем еще молодые люди. Их смерть держали в тайне, но все же через несколько месяцев

письма, не попавшие в руки полиции, дошли до м-ль Зоило-вой¹⁸. Восстание декабристов Стендаль определяет как "немаловажное событие", несколько слов о нем, при всей их краткости, передают внутренний драматизм трагедии дворянской революции. Знаковое значение приобретают и упоминания в романе о борьбе греков. Октав мечтает умереть как Байрон в борьбе за свободу Греции, Арманс отмечает флажками позиции турок во время осады Миссолунги. Стендаль награждает ее исторической памятью, заставляя с восхищением вспомнить взятие русскими Измаила. Высмеивая бахвальство командора де Субирана, члена Мальтийского ордена, она упоминает о мальтийских рыцарях, "которые только кричат о своей ненависти к туркам, в то время как никому не известные русские воины приступом берут Измаил"¹⁸.

Историзм Пушкина в "Романе в письмах" во многом определен его отношением к крепостничеству. Позиция героев по отношению к "рабству" крестьян приобретает характерологическую функцию. Для обрисовки Владимира как человека обеспокоенного судьбами отечества очень важны его рассуждения об обязанностях дворян. Пушкин отдает ему свои мысли: "Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать депешы..."¹⁹. Эта обеспокоенность судьбой крестьян и осознание своей ответственности перед ними — типичная черта передовых дворян эпохи — возвышает героя, придает ему "совестливость", наподобие тревог Октава, делает его значительным и думающим человеком. В отличие от Стендаля Пушкин нигде не упоминает восстание декабристов, что естественно — сочувственные отклики в печати исключались, но за рассуждениями Владимира явственно просматривались идеи декабристов: "Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении"²⁰. Важным приемом характеристики Владимира становится и упоминание им нарицательных литературных имен, несущих память о целом комплексе идей, связанных с крепостничеством: "Какая дикость! для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ними процветают еще Простаковы и Скотинины"²¹.

Характерным знаком времени предстает в пушкинском романе и упадок родовой аристократии, ее оттеснение "аристократией чиновной". Примечательно, что элегические размышле-

ния по этому поводу Пушкин отдает тому же Владимиру, "внуку бородастого миллионера", не связанному с древними прославленными родами: "Я без прискорбья никогда не мог видеть уничтожения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат"²². Столь важная для Пушкина задача объективизации реализуется веселее от того, что сожаления о древних родах вложены в уста нуворша: "Говоря в пользу аристократии, я не корчу английского лорда; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права"²³. Пушкинский историзм включает как важный компонент осознание необходимости исторической памяти, уважения к героическим страницам прошлого, культурным традициям народа. Вспоминая о подвиге князя Дмитрия Михайловича Пожарского и мещанина Козьмы Минича Сухорукого, Владимир с горечью восклицает: "Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!"²⁴

Для обоих писателей понятие "историзма" включает не только изображение конфликтов эпохи, типических характеров времени, но и верную картину нравов и психологии. Стремясь к нюансировке чувств, Стендаль награждает главных героев "Арманс" некоторой социальной ущемленностью. Нам кажется убедительным объяснение болезни Октава, предложенное современной исследовательницей Н.В. Забауровой: "В основе навязчивой идеи Октава лежит своеобразный комплекс неполноценности, ощущение вины и неспособности исполнить диктат нравственного долга"²⁵. Для такого понимания очень важным представляется примечание самого Стендаля к первой главе "Арманс": "Где тот молодой человек, который смог бы, не сойдя с ума, пережить противоречие между тем, что он ценит, и тем, что предлагает ему его будущая жизнь?"²⁶

Если в структуре образов главных героев "Арманс" и "Романа в письмах" сходство лишь в "совестливости" по отношению к общественным недостаткам современности, то героини романов - родственные натуры, наделенные схожими характерами и психологией. Генетически они связаны с сентименталистской традицией женских характеров большой цельности и глубины (Кларисса, Юлия, Дельфина, Коринна). Однако в образе героинь "Арманс" и "Романа в письмах" нет схематизма, они включены в бытовую среду, не лишены недостатков, они далеки от своих "голубых" предшественниц.

У нас нет сведений о знакомстве Пушкина с "Арманс", его

первое упоминание имени Стендаля связано с "Красным и черным", однако образ Лизы настолько близок героине Стендаля, что вряд ли можно полностью исключить предположение о воздействии на Пушкина "Арманс". Обе героини, принадлежавшие к древнему разорившемуся роду, отличаются независимостью духа, критическим умом, внутренним благородством и острым чувством собственного достоинства. Они начитанны, образованны, мир культуры — важная органическая часть их жизни. Лизе Пушкин отдал свои мысли о литературе, сделал ее своеобразным "арбитром" вкуса. Для нее литература — модель жизни, труд писателя лишен всякой мистической загадочности. В письме к Саше она смело предлагает остроумный рецепт для создания "современного" романа.

Примечательно то, что в поисках нового типического женского характера оба писателя наделили своих героинь некоторой социальной ущемленностью. Это первые впоследствии столь распространенные в европейской и русской литературах образы девушек-компаньенок, остро ощущающих униженность своего положения. Арманс болезненно переживает положение зависимой воспитанницы при знатной даме, пожелавшей облагодетельствовать бедную родственницу из далекой России: "Великосветские дамы не более злы, чем просто богатые женщины, но люди, которые постоянно общаются с ними, становятся особенно самолюбивы и поэтому глубоко чувствуют обидные упреки"²⁷, — обобщает Стендаль типический характер подобной ситуации. Как и Арманс, героиня "Романа в письмах" глубоко уязвлена своим унижительным положением: "Многого должна была я сносить, во многом уступать; многого не видеть, между тем как мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения"²⁸. Пушкин также стремится подчеркнуть типические черты в поведении Лизы, передоверяя ей свое стремление к обобщению: "Заметила ли ты, что все девушки, состоящие на правах воспитанниц ..., обыкновенно бывают или низкие служанки, или несносные причудницы?"²⁹ В дальнейшем этот образ найдет свое развитие в "Пиковой даме", где Пушкин также сделает упор на типических чертах этого женского характера: "... а кому не знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знающей старухи?"³⁰

Таким образом, несмотря на существенное различие "Арманс" и "Романа в письмах" (кроме всего прочего и в величине, пушкинский роман — неоконченное произведение из десяти писем), в подходе к изображению современности в них много общего. Хотя они и не нацелены специально на изучение истории

(это прежде всего романы любовные и бытовые), в них уже вырабатывается то сложное качество "историзма", включающее философию истории, объективность, психологизм, интерес к социальным проблемам (а для Стендаля непременно и к политическим), которое найдет дальнейшее развитие в поздней прозе обоих писателей и составит важное отличие "истинного романтизма" от исторического подхода романтиков.

С н о с к и

¹ Об историзме Стендаля см.: Реизов Б.Г. Стендаль: Художественное творчество. - Л., 1978. - С. 10-25; Об историзме Пушкина см.: Томашевский Б. Историзм Пушкина // Пушкин: Опыт изучения творческого развития. - М.-Л., 1961. - Т. 2 (1825 - 1837). - С. 154-200.

² О типологической общности Стендаля и Пушкина см.: Вольперт Д.И. Пушкин и Стендаль (К проблеме типологической общности) // Пушкин: Исследования и материалы XII. - Л., 1986. - С. 200-223.

³ Об отношении "истинных романтиков" Стендаля и Пушкина к романтизму см.: Вольперт Д.И. Понятие "истинного романтизма" у Пушкина и Стендаля // Болдинские чтения. - Горький, 1982. - С. 114-130.

⁴ "Скотт - величайший романтический писатель Европы, на которого должны ориентироваться не только романисты, но и драматурги" (Stendhal. Racine et Shakespeare. - Paris, 1925. - Т. 1. - P. 8) Пушкин писал в 1830 г.: "Главная прелесть романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с enflure французских трагедий ... , но современно, но домашним образом" (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. - 3-е изд. - М.: АН СССР, 1964. - Т. 7. - С. 529. В дальнейшем цитируется по этому изданию).

⁵ См.: Вольперт Д.И. "Шекспиризм" Пушкина и Стендаля // Болдинские чтения. - Горький, 1983. - С. 45-57.

⁶ Stendhal. Mélanges de littérature. - Paris: Le Divan, 1933. - Т. 2. - P. 375.

⁷ Stendhal. Mélanges intimes et marginalia. - Paris: Le Divan, 1933. - Т. 2. - P. 318.

⁸ Stendhal. Souvenirs d'égotisme. - Paris: Le Divan, 1950. - P. 119.

- 9 Стендаль. Собр. соч.: В 12 т. - М., 1978. - Т. 5. - С. 5 (в дальнейшем цитируется по этому изданию).
- 10 Там же.
- 11 Там же, с. 6.
- 12 Там же.
- 13 См.: Вольперт Л.И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. - Таллин, 1980. - С. 91-92.
- 14 Стендаль. Собр. соч.: В 12 т. - Т. 5. - С. 34.
- 15 Там же, с. 20.
- 16 Пушкин А.С. Цит. изд. - Т. 6. - С. 75.
- 17 Там же.
- 18 Стендаль. Собр. соч.: В 12 т. - Т. 5. - С. 135.
- 19 Пушкин А.С. Цит. изд. - Т. 6. - С. 71.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Там же, с. 72.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Забабурова Н.В. Стендаль и проблемы психологического анализа. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1982. - С. 96.
- 26 Цит. по Забабурова Н.В. Стендаль и проблемы психологического анализа, с. 97.
- 27 Стендаль. Собр. соч.: В 12 т. - Т. 5. - С. 75.
- 28 Пушкин. Цит. изд. - Т. 6. - С. 60.
- 29 Там же.
- 30 Там же.

L'HISTORISME DE LA PROSE DES ANNEES VINGT DE STENDHAL ET
DE POUCHKINE ("ARMANCE" ET "ROMAN EN LETTRES")

L. Volpert

R é s u m é

L'historisme de la première prose de Stendhal et de Pouchkine adressée à l'actualité embrasse les catégories philosophiques, sociales, psychologiques (pour Stendhal obligatoirement et politiques) et manifeste à l'opposé des romantiques la tendance principale vers l'objectivité. Ils cherchent à appliquer les découvertes esthétiques de Walter Scott à l'analyse de l'actualité.

Quoiqu'ils se diffèrent beaucoup "Armance" et "Roman en lettres" ont maints traits communs: l'attitude progressiste à l'égard des problèmes sociaux de l'époque, la structure de l'image des héroïnes, les traits spécifiques de l'historisme. L'analyse comparative laisse à comprendre plus profondément le développement du réalisme en France et en Russie.